

Павел Анненков

**«Гроза» Островского и
критическая буря**

Павел Васильевич Анненков «Гроза» Островского и критическая буря

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2572095*

Аннотация

«...Итак, что такое балаган и что такое образованность? Мы имеем смелость думать, что всякий серьезный писатель обязан говорить чрезвычайно осторожно о «балагане», принимая слово это в общем смысле. Балаган имеет такую длинную, почетную и благородную историю, какой может позавидовать любое театральное ведомство, как бы не поражало оно роскошнейшими зданиями и невообразимо дорогой администрацией. Нет надобности напоминать при этом, что Мольер почерпнул в балагане не только свою язвительную веселость, но и множество лиц, увековеченных им на сцене, так же как нет надобности говорить и о близком родстве, существующем между балаганом и Шекспиром. Горе вообще тому театру, который вышел не из балагана: он лишен лучшего диплома на почетное существование...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Комментарии

Павел Васильевич Анненков «Гроза» Островского и критическая буря.

Ответ критику «Грозы» в журнале «Наше время»

Стоустая молва, как говорилось в старину, опередила вашу статью по поводу новой комедии г. Островского «Гроза»:^[1] Незадолго до появления критической бури, как вы называете сами свою рецензию, разнеслись слухи, что туча скопится на листках нового журнала вашего, от которого мы уже теперь, имея в руках несколько номеров, можем ожидать много добра и пользы.^[2] Слухи не обманули публику. Журнал ваш родился очень почетно, при треске и грома критических залпов. С другой стороны, все слухи и толки оказались ниже дела. Они возвещали только едкую критическую статью, но нисколько не намекали на настоящую цель ее – лишить г. Островского возможности дальнейшего литературного существования, превратить его имя в пустой звук, сделать из счастливого и сильного деятеля нашего времени жалкий призрак без значения, наподобие тех от-

живших писателей, присутствие которых уже не чувствуется людьми, которые уже почти не дают от себя тени, как сказочный Питер Шлемиль^[3]. С первых же строк рецензии большинству ваших читателей, а в том числе и мне, ничего более не оставалось делать, как отказаться от коренных своих убеждений, от признанных эстетических истин, от свидетельства чувств и, наконец, чуть-чуть не от рассудка. Рецензия говорила твердо, решительно: читатель ясно распознавал приглашение обернуться назад, покаяться во всех своих прежде добытых мнениях касательно истины и красоты художественных представлений, словом – торжественно отречься от всей прежней умственной жизни, как от наваждения лукавого: *vade retro, Satan!*^[4] Где слышалась ему прежде живая, народная речь, там рецензия советовала ему воскликнуть вместе с нею: подбор одних грамматических искажений; где чудился ему свежий источник поэзии, там она твердо решала: грязное болото, подлежащее ведению полиции общественного здоровья; где, наконец, признавал он выражение глубокой психической игры чувств и мыслей, там следовало ему, по указанию рецензии, видеть только беснующееся животное, застигнутое в минуту своего болезненного пароксизма. Беспрепятственная угроза отнять г. Островского у публики безвозвратно и окончательно, особенно запутывала дело, увеличивая общее смущение. Так пробежали и мы две статьи рецензии, разделенные довольно долгими промежут-

¹ Отойди, Сатана (*лат.*). – *Ред.*

ками времени,^[5] и каждый раз со страхом в сердце: вот придется объявить себя человеком, косневшим дотопе в слепоте и невежестве! Перспектива, согласитесь, весьма неутешительная!..

Но, слава Богу, буря прошла благополучно. Все осталось по-прежнему, как было, точно не появлялось никогда *бурной* рецензии на страницах нового журнала. Я даже принимаю смелость от имени почитателя таланта г. Островского дружески протянуть вам, автору рецензии, руку – как будто вы никогда и не заподозревали их в слабости обсуждающих способностей и в извращенном состоянии их вкуса. Скажу более – они обязаны вам благодарностью. Рецензия обличила вполне авторский талант ваш, если тут нужно было какое-либо обличение, и особенно тем, что умела связать несколько дельных и верных замечок с совершенно ложным, по нашему мнению, основанием и притом так плотно, что разделить их уже нет никакой возможности. Мысль относительно справедливая играет в бурной рецензии нечто похожее на роль красивого контрфорса,^[6] поддерживающего хилое здание, напоминая те изящные контрфорсы готических церквей, которые покрыты узорами, статуями, нишами и предназначены для того, чтобы отводить глаза зрителей от несостоятельности художника в архитектурной механике. Какой-то из современных французских писателей, имевший, вероятно, причины быть недовольным журналами, сказал про критику своего отечества, что ее можно сравнить с болезнью –

раком, который, поселяясь в сердце литературного произведения, разъедает его до тех пор, пока произведение не рассыплется прахом. Особенность этой болезни, этого критического канцера,^[7] по мнению французского автора, состоит в том, что он прилипчив и ненасытен. Совершив свое истребление на одном предмете, он переходит к другому и подвергает его одинаковой участи с первым: такова уже натура критики – восклицает оскорбленный французский новеллист. Мы живо помним разительный пример точно такого же действия критики и у нас – именно в известном, едком и остроумном разборе комедии г. Соллогуба «Чиновник».^[8] Второй пример такого же разрушительного характера критики собирались вы дать на произведениях г. Островского – но здесь, к изумлению нашему, не произошло ничего ужасного. Предмет, выбранный рецензией в жертву свою, оказывается столь крепким, что жало ее притупляется тем более, чем сильнее обнаруживается. С отчаяния рецензия принимается мучить не самый предмет, который стоит невредим, а собственно тень предмета, его фантастическое и неправильное отражение. Отчего произошло это? Одно из двух – или рецензия недостаточно накопила гнева и ярости, и тогда ей следует удалиться во мрак и уединение для лучшего развития в себе смертоносных элементов, или критика-рак вообще способна уничтожать только такие произведения, которые уже и без того лишены жизненной силы и в себе самих носят свой смертный приговор...

Многое зависит также и от случая. Человек недоволен физиономией театра в день представления новой пьесы; актриса играет нестерпимо фальшиво, публика хлопает нестерпимо громко – вот уж настроение и готово. Беда еще увеличивается, если подле критика уселся в креслах джентльмен, щеголевато одетый, который, позабыв о своем костюме и о палевых своих перчатках, находится в неприличном состоянии восторга, оглушая соседа рукоплесканиями и криками браво – тогда не далек уж и окончательный приговор о пьесе и о публике. Все это случилось именно с рецензентом «Грозы». Слепому случаю не угодно было поместить возле него джентльмена с иным, более аристократическим характером, с гордой и благородно-тупой физиономией, с похвальным навыком восторгаться комедиями и драмами, действие которых развивается посреди салонов, украшенных медальонами по стенам, или в крайнем случае посреди чистеньких, кокетливых и, как известно, добродетельных чердачков, населенных лоретками.^[9]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Основным объектом полемики у Анненкова является статья Павлова (см. наст. сборник).

2.

Журнал (или газета) «Наше время», в котором была опубликована статья Павлова, начал выходить с 1860 г. еженедельно, так что к моменту публикации статьи в руках Анненкова могло быть около десятка номеров.

3.

Питер (Петер) Шлемиль – герой сказочной повести немецкого писателя А. Шамиссо (1781–1838) «Удивительная история Петера Шлемиля» (1814), человек, который продает черту свою тень.

4.

Отойди, Сатана – так в евангелии от Матфея (гл. 4, ст. 10) Иисус Христос отвечает искушающему его дьяволу.

5.

Первая (публикуемая в настоящем издании) статья Павлова появилась в № 1 «Нашего времени» (17 января), вторая – в № 4 (7 февраля), обещанное критиком окончание так и не было опубликовано.

6.

Контрфорс – вертикальная выступающая часть стены, укрепляющая основную конструкцию; в готической архитектуре контрфорс обычно отделялся от стены.

7.

Канцер – злокачественная опухоль, рак.

8.

Вероятно, намек на рецензию самого Павлова ««Чиновник». Комедия гр. В. А. Соллогуба» (Русский вестник. 1856, июнь, кн. 1; июль, кн. 2). Добролюбов в статье о Соллогубе назвал ее «блестящей критикой».

9.

Лоретка – женщина легкого поведения, кокетка.